

область лингвокультурного «пространства», объединяющую концепты не только как факты языка, но и факты культуры.

В рамках исследуемой проблемы для нас особый интерес представляет функциональная природа семантического поля, рассматриваемого по трем осям – парадигматики, синтагматики и эпидигматики. Так, В.Н. Денисенко подчеркивает, что функциональный подход к значению позволяет не только глубже проникнуть в природу парадигматики семантического поля, показать внутреннюю зависимость общей семантики и семантики классов и их единиц, но сделать более очевидным и закономерно проявляющимся само употребление этих единиц. При этом семантическое поле – это категория лексической семантики [5; с.17]. Более того, используя такую категорию, как семантическое поле, нужно, в свою очередь, исходить из того, что семантическое поле, само по себе являясь системным образованием, одновременно представляет собой сущность, относящуюся к языковой картине мира, которая входит в более абстрактную структуру – языковую личность [5; с. 10].

Лексика представляет собой наиболее обширную, многомерную, сложную и подвижную систему. Ее единицы связаны различными видами отношений: ассоциативностью (полисемия), эквивалентностью (синонимия), противоположностью (антонимия), обратностью (конверсия) и др. Наиболее универсальными, охватывающими основной состав лексики являются отношения гиперо-гипонимии (родовидовые отношения). На них основывается классификация лексики в ее понятийной (идеографической) организации. В такой классификации определение единиц (понятий) осуществляется через ближайший род и видообразующее отличие.

Существенно, что понятие «функции» позволяет связать классы, различающиеся «поверхностным» значением, но внутренне связанные глубинным значением, обобщенными лексическими функциями. Эти понятия и приобретают статус общего значения поля и общего значения классов поля. Последнее как семантически более сложное есть не что иное, как конкретизация общего значения поля. При этом в центре поля – его ядро, главная лексема, которая специализируется в виде более сложных по значению доминант, возглавляющих классы поля, наконец, на его периферии находятся маргинальные единицы с контекстуально обусловленными значениями [5; с. 18-19].

Таким образом, являясь в таксономическом аспекте категорией высшего порядка, семантическое поле выступает как метод системно-функционального анализа языка. Интерпретация того или иного фрагмента действительности в виде иерархически организованного в языке «семантического пространства» представляется наиболее полным и адекватным методом познания мира в важнейших связях его объектов.

Одним из перспективных понятий, позволяющих наиболее детально проанализировать концептуальное

пространство совокупности терминов, служит понятие *терминопле*. Отметим, если абстрагироваться от всех проблем, возникающих неизбежно при исследовании языка и терминологии в том числе, то следует признать в качестве одной из основных единиц анализа *терминологическое поле*, так как оно отражает одну из глобальных лингвистических концепций – концепцию системности языковых структур.

«Поле – это своеобразная область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками, область, искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений. Принадлежность к определенному полю является самым существенным признаком, отличающим термины-слова от обычных слов. Поле для термина-понятия – это та система понятий, к которой он принадлежит, а для термина-слова – та совокупность других терминов-слов, с которыми он сочетается в рамках данной науки, на базе которых формируется сам и на которые оказывают влияние своей языковой формой. Но первое и главное для поля – экстралингвистическая направленность, в соответствии с которой организуются языковые средства выражения» [6; с.110-111].

В собственно лингвистическом плане структурирование поля и соответственно определение семантических инвариантов их единиц основываются на двух фундаментальных отношениях несовместимости и гипонимии, поскольку «гипонимия и несовместимость являются самыми фундаментальными парадигматическими смысловыми отношениями, посредством которых структурирован словарный состав языка» [7; с.478].

Несовместимость – одно из важнейших классификационных понятий. Это не простое различие, а выражение несовместимых понятий, объемы которых не совпадают; классы обозначаемых предметов здесь не перекрещиваются, а сами единицы являются однородными и одноуровневыми. Так, *авторитаризм* и *диктатура* в политическом лексиконе, несмотря на их сходство («неограниченная власть») и подчиненность к гиперониму *политический режим*, несовместимы, а *диктатура* («неограниченная власть, вооруженное насилие») и *тоталитаризм* («всеобщий контроль государства над обществом»), несмотря на их различия, не являются несовместимыми, так могут быть без всякого противоречия отнесены к одному и тому же объекту (*тоталитарная диктатура*).

Термины общественно-политической концептосферы особо организуются в поле и в микрополях, входящих в него, т.е. они лимитированы спецификой поля, его идиоматичностью. Если взять термин *политология*, то вполне естественно, что с помощью исходных гипонимических (классификационных) семантических отношений выстраивается терминологическое поле, вбирающее в себя совокупность слов, относящихся к одной предметно-понятийной области: *политика, внутренняя политика, внешняя*

политика, политическая система, политические режимы, политические отношения, политический процесс, власть, функции власти, формы власти, параметры власти, государство, система государственного управления, территориально-политическая организация государственно-политической системы, местное самоуправление, демократия, национальное правовое государство, политическая партия, избирательная система и т.п.

Отношения в терминопле могут быть парадигматическими, и тогда возникают тематические ряды – совокупности слов, объединенных отношениями взаимосвязи, противопоставленности и обусловленности: *политика, внутренняя политика, внешняя политика; политическая система, политические режимы; политические отношения, политический процесс*. При иерархических отношениях в терминопле возникают гиперо-гипонимические группировки, представляющие собой совокупность слов в терминологическом поле, объединенных отношениями подчинения и включения: *государственная власть: законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть* и т.п. Термины политологии находятся также в различных типах словообразовательных отношений и могут объединяться в деривационные ряды: *легитимный – легитимно – легитимность – легитимация – легитимизация – легитимизовать – легитимизировать; конституция – конституционный – конституционализм*.

Таким образом, терминопле политологии представляет собой трехмерное пространство. Традиционно выделяемые семантические, парадигматические и словообразовательные поля представляют три измерения единого терминологического поля: парадигматическое, синтагматическое и эпидигматическое.

Принимая во внимание положение о том, что ключ к решению вопроса о термине лежит в моделировании, считаем, изучение организации знаний конкретной области науки через фреймы и схемы – наиболее действенный способ изучения терминосистемы. Действительно, моделирование как способ когнитивного анализа позволяет глубже понять глубинные механизмы организации терминосистемы, поскольку моделирование – это, по сути, имитирование деятельности. В этом смысле фреймы отражают структуру конкретного вида деятельности человека, выступают результатом познания ее сущности и фиксируют полученные знания. Ведь любая научно-профессиональная деятельность всегда осуществляется по определенному сценарию, задающему ограниченное число составляющих. За каждым из этих элементов стоит фрейм.

В этой связи особую значимость имеет утверждение, что лексическое значение слова представляет собой микрофрейм, подобно фрейму. При этом микрофрейм рассматривается как иерархически организованная структура. На внешнем уровне находится информация о референте вообще, а на глубинном – «образ», «результат видения обозначаемого». Следовательно, когнитивная модель – это

«такая мыслительная сущность, или схематизированное, максимально обобщенное представление о концептуальном основании значения, которое выделяет в значении наиболее важные, «узловые» моменты» [8; с.83].

Согласно Е.Г. Беляевской, именно когнитивная модель «задает концептуальную схему структуризации признаков обозначаемого, распределяя их по степени важности и выделяя «номинативный фокус» обозначения» [8; с.12]. Микрофрейм слова, если слово выбирается в качестве элемента сообщения, актуализирует ближайшие фреймы и субфреймы подобно ячейкам сети, которые зацепляются и поднимаются из воды, то есть каждая сетка имеет общую «когнитивную подоснову», представленную каждой из ячеек в определенной степени. «Зацепленная ячейка сети – это тот аспект, который в силу действия самых различных факторов ситуации представляется человеку наиболее важным в данный момент» и на них фокусируется внимание [8; с.32-33]. Соответственно выбор адекватного слова обусловлен совпадением фокуса внимания человека и номинативным фокусом значения в слове – «наиболее важных, «вершинных» (термин В.Н. Телии) аспектов, которые определяют специфику значения и отличают его от значений других лексических единиц» [8; с.45].

Проведенный концептуальный анализ семантики терминов политологии как науки о мире политического позволил провести общую классификацию единиц терминопле по общности концептуальных оснований разных групп терминов общественнознания.

Заметим, политика выступает результатом и проявлением функционирования мира политического. Поскольку политология как наука призвана изучать мир политического, то термин «мир политического» включает в себя все то, что охватывается понятием «политическое», имеет отношение к политике. При этом в центре мира политического находятся такие феномены, как государство, власть, властные отношения, средства господства и правления, господства и сотрудничества, конституционное оформление и закрепление власти, правление в рамках различных государственно-политических систем. Именно они дают ключ к пониманию сущности и предназначения политики, политических институтов и всего мира политического. Следовательно, концептуальная структура терминологии политологии формирует фрейм терминопле – структурно-смысловое пространство, отображающее информацию о мире политического во всех его аспектах и проявлениях. В общий фрейм терминопле политологии включаются когнитивные аналоги терминологических областей – субфреймы, представляющие собой концептуальные области, поскольку каждая область имеет свою концептуальную организацию и соотносится с определенным набором знаний о фрагменте мира политического.

Терминологическое поле политологии имеет многослойную структуру. На внешнем уровне располагаются терминологические области (далее –

ТО), которые в большинстве случаев сливаются или пересекаются благодаря общему концептуальному основанию. На более глубоком, когнитивном, уровне можно выделить субфреймы общего фрейма политологии – обобщенные представления о том или ином участке терминологического поля. В ходе анализа языкового материала были выделены следующие ТО [9]:

1. ТО «Политика и мир политического»;
2. ТО «Политическая отношения и политический процесс»;
3. ТО «Политическая власть»;
4. ТО «Государство»;
5. ТО «Гражданское общество и правовое государство»;
6. ТО «Система государственного управления»;
7. ТО «Внутренняя и внешняя политика»;
8. ТО «Демократия»;
9. ТО «Политические системы и политические режимы»;
10. ТО «Политические партии и избирательные системы»;
11. ТО «Политическая идеология»;
12. ТО «Политическая культура и политическая этика».

Проведенный анализ фреймовой структуры терминополья политологии показал, что в центре рассматриваемого терминополья находится представление о мире политического. Все терминологические единицы концептуальных областей политологии объединены общим семантически простым зна-

чением, входящим в содержание всех единиц терминополья. Таким инвариантным значением терминополья является значение слова *политика* «деятельность органов власти и государственного управления». Иными словами, семантика слова «политика» образует *концептуальное ядро* терминополья. В этой связи справедливым представляется утверждение, что термины как носители коллективной научно-профессиональной памяти выполняют функцию посредников-медиаторов в процессе формирования научного знания, способствуя развитию познавательной и преобразующей деятельности человека. Поэтому терминополье политологии можно назвать *хранилищем знания* о мире политического, фиксирующем взаимозависимые отношения ключевых терминов как базисных элементов научного мышления.

1. Конечкая В.П. Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии // ВЯ – 1998. – № 2. – С. 22-37.
2. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филол. науки. – 1972. – № 1. – С. 57-68.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
4. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1998.
5. Денисенко В.Н. Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира (структурный, функциональный, когнитивный аспекты): автореф. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2005.
5. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. XXV – С. 32-63.
6. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова). – М., 1991.
7. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: Изд. Корпорация «Логос», 1997.

А. Н. Сыдыков

К ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОНИМОВ «САРТ-УЗБЕК»

Многие этнонимы – слова древнего происхождения. Наука пока не располагает средствами для определения, на какой стадии развития общества возник тот или иной этноним.

В Кыргызской Республике по изучению этнонимов сделано много. Однако очень мало работ, посвящённых исследованию этнонимов в лингвистическом аспекте. В такого типа работах следовало бы определить место этнонимов в лексической системе языков и отношение этнонима к понятию имени собственного, вскрыть значение и сущность этнонимов, внести ясность в такие понятия, как этноним и топоним, этноним и антропоним, этноним и прозвище, этнонимы и титулы, звания и т.д., особо обратить внимание на уяснение принципов названия этнических подразделений.

Мы считаем плодотворным сравнительное изучение киргизских этнонимов с родственными тюркскими языками, особенно казахским, узбекским, а в этимологическом плане с алтайскими, кыпчакскими, монгольскими.

Так, например, узбекский народ, состоящий из 92 родов, сформировался на местной этнической основе. Её основным компонентом явилось тюркоязычное население, образовавшееся в результате смешения ираноязычных групп с тюркскими племенами, главным образом, киргизскими, казахскими, огузскими, карлукскими, кыпчакскими (дештикыпчакскими), селившимися в среднеазиатских оазисах на протяжении многих веков.

Этногенез узбекского народа одна из сложных актуальных проблем современной науки. В этно-

генезе узбеков участвовали различные народы и племена древности и средневековья. Наименование узбекских родов встречаются в составе родственных им народов – киргизов, казахов, каракалпаков, башкир, ногайцев и других, что свидетельствует об их этнических связях в прошлом. Основы их этногенеза составили древние жители Среднеазиатского междуречья и Хорезма (саки, массагеты, согдийцы, хорезмийцы, сарматы и др.) В формировании узбекского народа принимали участие так же центральноазиатские, среднеазиатские и приаральские тюркоязычные компоненты древнего и раннесредневекового периода, принадлежащие к различным этно-культурным средам и племенным союзам: канглы, усунь (үйшүн), теле (племена теленгут, уйгур, аз), карлук, кипчак, огуз, западнотюркские племенные объединения (аргын, тюркеш, тюрк, уз) и другие. В этническом составе узбеков обнаруживается (хотя и незначительный) угорский элемент, что подтверждается наличием этнонима «мажар» (мажар-сарай). Указанные этнонимы бытовали в качестве названий родоплеменных групп современных узбеков вплоть до конца XIX- начало XX вв. Отметим, однако, что этническая основа этих групп населения за большой исторический период подвергалась серьёзным изменениям: на протяжении веков под тем или иным этнонимом вокруг потомков древнего первичного племени объединялись этнические элементы различного происхождения.

Именно в процессе этногенеза ещё в древности и средневековье формируется большинство тех черт этнического облика народа, которые характеризуют в дальнейшем его национальную специфику, отличают его от других этносов (основы языка, особенности хозяйственно-бытового уклада, формы материальной и духовной культуры и др.) В то же время лишь тщательное изучение этнической истории помогает выявить так же и истоки тех черт его сходства с другими народами, которые возникают в процессе многовековых экономических и культурных контактов с населением соседних регионов, либо объясняются общностью исторических судеб, а иногда и этническим родством – наличием однородных этнических компонентов, участвовавших в этногенезе двух или нескольких народов, при этом определяющую роль играет язык.

Узбекский язык принадлежит к карлукской группе языков. Варианты названия (устаревшее): чагатайский язык, сартовский язык (Языки мира. Тюркские языки. М., 1996. – 543 с. 426).

Название «чагатайский» восходит к монгольскому антропониму – имени сына Чингис-хана, которому после распада империи отца, достались в удел территории от Каспия до Алтая, включая Среднюю Азию. «Чагатайским» в XV-XVI вв. называлось оседлое тюркоязычное население центральной части прежнего Чагатаева улуса – Мавераннахра (земель между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьёй, а также к северу от Сыр-Дарьёй). В качестве этнонима термин «Чагатай» проник в местную тюркскую антропонию и топонимию, а так же в исторически

сложившуюся ориенталистическую терминологию, западноевропейскую и центральноазиатскую ономастику. Соответственно книжно-письменный язык этого периода именуется чагатайским языком.

Чагатайский язык, сложившийся на основе карлукско-уйгурских диалектов Мавераннахра под сильным воздействием литературно-языковой традиции предшествующих периодов (караханидско-уйгурской, X-XII вв., и золотоордынско-хорезмской, XIII-XIV вв.), относится к тюркской группе языков.

В чагатайском языке нашли отражение черты как кыпчакских диалектов - на основе которых позднее сложились казахский и каракалпакский языки, а также кыпчакское наречие узбекского языка - так и восточногузских диалектов, на основе которых позднее сложились туркменский национальный язык, хорасанотюркское и огузское наречия узбекского языка.

Формирование основных черт этнической общности узбекской народности происходило в X-XII вв. Тюркоязычные и отюреченные иранские племена, участвовавшие в этногенезе будущих узбеков называли себя «сартами». Скорее всего с подачи кочевых племён.

«Киргизы, жившие в равнинной части Ферганы и занимавшиеся земледелием, называли киргизов, ведущих полукочевую жизнь в горных и предгорных районах, «адыри кыргызлар» (букв. кыргызы, живущие в холмистой местности) или «сахройи кыргызлар» (букв. «степные кыргызы»). В киргизском языке слово «сахро» нет. Оно явно заимствовано у ираноязычного населения Ферганы. В свою очередь, алайские киргизы и киргизы предгорий называли равнинных киргизов «сартами» (Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. (этнокультурные процессы). Ташкент - 1991 с. 81).

О существенной роли формирования узбекской народности и её разговорного языка свидетельствует наличие четырёх диалектов в современном узбекском языке: карлукского, кыпчакского, огузского и киргизского.

В XIII-XVI вв. в Дешт-и Кипчаке и Мавераннахре по мере оседания в оазисах и городах происходил непрерывный процесс этнического и языкового слияния тюрко-монголо-иранских племён и родов. В результате этого процесса этнические черты, язык и общественные организации настолько сблизились, что в XIV в. (во время правления Узбекхана в Золотой Орде в 1312-1340 гг.) они стали носить общее для них наименование «узбек». Основной костяк этого конгломерата племён составляли кипчаки-золотордынцы.

В XV в. из Дешт-и Кипчака на территорию современного Узбекистана, в связи с завоеваниями Шейбани-хана (Мухаммед Шейбани 1451-1510, он вторгся в Мавераннахр в 1472 г.) вновь проникли группы кочевых племён, называвшими себя «узбеками». Они составили одно из позднейших слагаемых в этногенезе узбекского народа и передали ему своё этническое название. (Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбеков, Т., ФАН, 1974. с. 70)